

Первая поездка Ильи Муромца в Киев

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Наряжался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Через те леса Брынские,
Через черны грязи смоленские;
И залег ее, дорогу, Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать каленú стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью,
А и только его, Илью, видели.
Прощался с отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкие;
Как стегнет он коня по тучным бедрам,
А и конь под Ильею рассержается,
Он перву скок ступил за пять верст,
А другого ускака не могли найти.
Поехал он через те леса Брынские,
Через те грязи смоленские.
Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах, во Брынских,
Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
И слышал Соловей-разбойник
Того ли топу кониного
И тоя ли он поезки богатырские,
Засвистал Соловей по-соловьиному,

А в другой зашипел, разбойник, по-змеиному.
А втретью зрявкает по-звериному:
Под Ильею конь окорачился,
И падал ведь на кúкорачь.
Говорит Илья Муромец Иванович:
— А ты волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, во темных лесах,
Не слышал ты свисту соловьиного,
Не слышал ты шипу змеиного,
А того ли ты крику звериного,
А звериного крику, туриного?
Разрушает Илья заповедь великую,
Вымаёт каленú стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника.
И попал Соловья да в правой глаз,
Полетел Соловей с сырá дубá
Комом ко сырой земли.
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы́ руки.
Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую,
Подъезжает ко подворью дворянскому:
И завидела-де его молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И збегала она на чердаки на вышние —
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тынинке по маковке,
И по той по голове богатырския —
Наводила трубками немецкими
Его, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброго молодца Илью Муромца,
И бросалась с чердака во свои высокие терема,
И будила она девять сыновей своих:
— А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокие,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,

А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречайте удала доброго молодца:
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-то вашего в тороках везет!

А и тут ее девять сыновей закорилися,
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокие,
Не берут ее золотой казны,
А худым ведь свои думушки думают:
Хочут обернуться черными вóронами,
Со темя носы железными,
Они хочут расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъезжает он ко двору ко дворянскому.
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается.
— Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!

А его-то дети, Соловьевы,
Неучливо они поговаривают.
Они только Илью и видели,
Что стоял у двора дворянского,
И стегают Илья он добра коня,
А добра коня по тучным бедрам,
Как бы конь под ним осержается:
Побежал Илья, как сокóл летит.
Приезжает Илья он во Киев-град,
Среди двора княженецкого,
И скочил он, Илья, со добра коня,
Привязал коня к дубову́ столбу,
Походил он во гридню во светлую
И молился он спасу со пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.
У великого князя Владимирера
У него, князя, почестной пир,

А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных могучих богатырей;
И поднесли ему, Илье, чару зеленá вина
В полтора ведра.

Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Говорил ему ласковой Владимир-князь:
— Ты скажись, молодец, как именем зовут,
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству пожаловати.

И отвечает Илья Муромец Иванович:
— А ты ласковой стольной Владимир-князь!
А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,
И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева.

Говорят тут могучие богатыри:
— А ласково солнце, Владимир-князь!
В очах детина завирается,
А где ему проехать дорогою прямоезжею?
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья-разбойника.

Говорит Илья Муромец:
— Гой еси ты, сударь, Владимир-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника
На двор к тебе.

И втапору Илья Муромец
Пошел с великим князем на широкой двор
Смотреть его удачи богатырския.
Выходили туто князи, бóяра,
Все русские могучие богатыри:
Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Домантьевич,
Светогор-богатырь и Полкан другой,
И семь-то братьев Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы —
Только было у князя их тридцать молодцов.

Выходил Илья на широкой двор
Ко тому Соловью-разбойнику,
Он стал Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипипи, змей, по-змеиному,
Зрявкой, зверь, по-туриному
И потешь князя Владимира.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Оглушил он в Киеве князей и бояр,
Зашипел злодей по-змеиному,
Он втретье зрявкает по-туриному;
А князи и бояра испужались,
На корачках по двору наползались,
И все сильны богатыри могучие.
И накурил он беды несносная:
Гостины кони с двора разбежались,
И Владимир-князь едва жив стоит
Со душой княгиней Апраксевной.
Говорил тут ласковой Владимир-князь:
— А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника,
А и эта шутка нам не надобна!

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.
Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.